

скульптором Л.П. Яшенко. Работа по формированию фотоархива скульптурных реконструкций была проведена О.В. Марфиной и опубликована в монографии «Физический тип древнего населения Беларуси» (2014) [3]. В настоящее время бюсты находятся или экспонируются в отделе антропологии и экологии Института истории НАН Беларуси, а также в фондах республиканских, областных, районных музеев республики.

В планах сотрудников отдела проведение комплексных исследований патологических особенностей древнего населения, которые позволят получить представление о характере адаптивных процессов в локальных группах. Кроме того, выявленные эпохальные изменения в строении костной системы жителей различных эпох могут рассматриваться с точки зрения влияния экологических факторов. Перспективным направлением современной антропологической науки является историческая антропоэкология, изучающая образ жизни древнего населения, динамику адаптивных процессов и приспособительную изменчивость популяций в зависимости от социальных факторов, таких, например, как культурные традиции, тип хозяйствования, социальная структура, а также от биологических характеристик самих популяций, степени экзо- или эндогамии и т.д.

В настоящее время большая часть характеристики палеоантропологических материалов, находящихся в коллекции отдела введена в научный оборот, их анализ представлен в публикациях. Весь собранный палеоантропологический материал является уникальным в своем роде, требует соответствующих условий хранения для его дальнейшего изучения и экспонирования, он является историческим национальным достоянием Беларуси. Поступающие новые материалы из археологических раскопок требуют тщательной систематизации, паспортизации и реставрации, которые интенсивно ведутся в Институте истории НАН Беларуси сотрудниками отдела антропологии и экологии.

1. Архив отдела антропологии и экологии Института истории НАН Беларуси // Комплексное изучение древнего населения Беларуси в свете этнической истории славян: отчет о НИР (заключ.) / Ин-т истории; рук. темы И. И. Саливон. – Минск, 2012. – 97 с. – № Г10Р-31.

2. Беларусы. Антрапалогія / Л. І. Цягака [і інш.]; Нац. акад. Беларусі, Ін-т мастацт., этнагр. і фалькл. ім. К. Крапівы. – Мінск: Беларуская навука, 2006. – Т. 9. – 575 с.

3. Саливон, И. И. Физический тип древнего населения Беларуси / И. И. Саливон, О. В. Марфина. – Минск: Беларуская навука, 2013. – С. 137.

4. Саливон, И. И. Очерки по антропологии Белоруссии / И. И. Саливон, Л. И. Тегако, А. И. Микулич. – Минск: Наука и техника, 1976. – 272 с.

5. Экологические изменения и биокультурная адаптация человека / Л. И. Тегако [и др.]. – Минск: БООФ, 1996. – 275 с.

Лю Янь

«КНИГА ПЕСЕН И ГИМНОВ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

В Китае мифология стала предметом изучения относительно недавно. Если изучением устного народного творчества белорусские мифологи, фольклористы, этнологи стали заниматься со второй половины XVIII в., то китайские ученые начали систематически исследовать древние мифы только в 1920-е гг. К этому времени они совместно с западными мифологами на основании археологических исследований и герменевтического анализа письменных источников пришли к заключению, что в IV–III тысячелетиях до н.э. на территории современного Китая было не централизованное государство, как это трактовалось китайскими историками, а неолитическая культура и племенной мир, очень не подобный на идеально устроенное государство времен мудрых императоров древности. Китайские гуманитарии, восприняв от западных коллег тотемическую концепцию Э. Дюркгейма и «номиналистическую» теорию Г. Спенсера, активизировали деятельность по исследованию своей национальной мифологии.

Основными источниками для изучения китайской мифологии служат письменные памятники древности нарративного и эпиграфического характера. Как правило, в них не содержится сколько-нибудь полного изложения мифов, но фрагментарно они входят в их основное содержание (историческое, философское, религиозное, поэтическое). Хорошо сохранившимся до наших дней сочинением, содержащим значительное количество мифологических материалов по древнекитайской истории, является «Книга песен и гимнов» («Шицзин») [2]. Это свод народных песен и древних гимнов, который на протяжении тысячелетий занимал особое место как книга откровений и жизненного опыта. «Шицзин», содержащая триста пять поэтических

произведений, состоит из четырех разделов, или частей: «Гофын» («Нравы царства»), «Сяо я» («Малые оды»), «Да я» («Великие оды») и «Сун» («Гимны»). Первый китайский историк Сыма Цян считал, что песен этих было намного больше, что Конфуций из трех с лишним тысяч известных песен отобрал лишь одну десятую часть и свел ее в единый памятник.

Это объясняется тем, что для религиозной системы древних китайцев были характерны умеренность и рационализм, минимум мифологии и метафизики и, главное, примат этики перед мистикой, т. е. вполне сознательное подчинение религиозно-мистического начала требованиям социальной этики и административной политики. По мнению Юань Кэ, «с появлением Конфуция изучалась лишь этика, наставления о семейных устоях, об управлении государством и умиротворении Поднебесной, а древние фантастические предания о богах и злых духах решительно отвергались Конфуцием и его учениками» [4, с. 15]. Такого рода особенности религиозной системы создавали своего рода вакуум в сфере веры с ее эмоциями и жертвенной самоотдачей. Этот вакуум заполнялся культом легендарных героев и мудрецов древности, культом хорошо вознаграждаемой добродетели. Чиновники-историографы записывали и воспевали деяния мудрых и добродетельных. Древние мифы записывались в течение весьма продолжительного времени – начиная с эпохи Восточного Чжоу до периодов Вэй, Цзинь и Шести династий, что составляет более тысячи лет. В результате деятельности чиновников-грамматистов были созданы основы для первой в Китае канонической книги – «Шицзин». Позднее, когда конфуцианская идеология стала господствующей в Китае, мифы постепенно стали рассматриваться конфуцианцами как история.

Все вместе взятые разделы «Шицзин» охватывают весьма значительный период развития китайского народа, приблизительно XII–V вв. до н.э. Тексты раздела «Гофын» воссоздают яркую и колоритную картину общественной жизни и быта китайского этноса в эпоху его раннего развития. «Сяо я» и «Да я» включают в себя главным образом произведения придворных поэтов, в которых выражается восторженное чувство по отношению к древним правителям, героям и полководцам, восхваляются их заслуги и достоинства, добродетели и подвиги. Среди произведений этого раздела значительное место занимают оды на тему преданной службы царю, о верноподданных чувствах приближенных царя, славословия верховному правителю.

Важнейшим понятием древнекитайской мифологии является Тянь («небо») – верховный дух, высочайший правитель, высшая божественная сила, ниспосылающая на землю награды и кары. Именно оно дает земному владыке право управлять страной. Власть правителя являлась священной. В «Шицзин» повествуется о многих мудрых правителях, которые управляли своими подданными с помощью небесных духов. Так, в «Оде о царях Вэнь-Ване и У-Ване и о покорении царства Инь-Шан» говорится: «Воля от неба на землю тогда снизошла – / Волею неба и стал на престоле Вэнь-ван: / Стал он в столице, был в Чжоу удел ему дан. / Дева из Шэнь, – государыню-мать заменив, – / Старшая дочь из далеких явилась стран. / Милостью неба от нее и родился У-Ван. / Небо тебя сохранит и поможет тебе – / Небу покорный, пойдешь на великое Шан!» [2, с. 221].

Таким образом, в данной оде содержатся исторические сведения о древнем княжеском роде Чжоу, получившим по воле неба царский престол. Предками дома Чжоу до Вэнь-вана были Даньфу и Ван-цзи. Царство было создано племенем чжоу в конце XII в. до н. э. в центральной части бассейна р. Хуанхэ. Все сопредельные княжества в данном регионе были в подчинении у царя Чжоу.

В «Книге песен и гимнов» значительное количество ши (стихов) посвящено царству Вэй, одному из мощных удельных княжеств. Оно сохранило свою территориальную целостность и независимость во времена правления династии Чжоу вплоть до объединения всего Китая в единую империю династий Цинь в III в. до н.э. Князья Вэй принадлежали к роду царей Чжоу. Отдельные песни рассказывают о процессе складывания царства Вэй путем поглощения ряда уделов. К ним относятся песни царств Гуй, Шао, Бэй, Юн, Бинь, Цао и др. Песня «О походе князя Чжоу на восток» передает один из таких походов, которые расширяли территорию данного государства: «Были разбиты в походе у нас топоры, / Наши секиры расколоты были давно. / Чжоуский князь выступает в поход на восток – / Царства пределы крепит он и вяжет в одно! / Сколь, о народ, сострадания он полон к тебе, / Сколь похвалы, восхищенья достойно оно!» [2, с. 123].

В разделе «Сун» содержатся в основном гимны, посвященные Дому Чжоу и Дому Шан. Китайская династия Шан правила в период с 1766 по 1154 гг. Из гимнов царям Чэн-тану и У-дину

видно, что основателем династии был Чэн-тан: «Это был первый из шанских царей властелин, / Твердо владел он властью от неба один – / Ею владеет потомок Чэн-тана – У-дин» [2, с. 305].

В разделах «Сяо я», «Да я» и «Сун» имеется значительное количество од и гимнов в честь других правителей Китая: Сюнь-вану, Ю-вану, Чэн-вану и Кан-вану: «Только Чэн-ван и Кан-ван – эти оба царя / Царства четыре приемлют, так ярко горя, / Светлый их свет разливается, все озаряя!» [2, с. 283]. В «Шинцзин» можно найти песни и гимны, которые не только славословят древних китайских властелинов. Немало поэтических произведений вскрывают царский деспотизм, их недальновидную внутреннюю и внешнюю политику, вследствие которой некогда процветающие царства приходили в упадок. Оды «О запустении в Восточных царствах» [2, с. 181], «О неправых советниках» [2, с. 169], «О благородном Цзя фу, обличающем царя и царского советника Иня» [2, с. 158], «Поучение правителю» [2, с. 253], «Бесчестным правителям» [2, с. 257] осуждают бездарных правителей и их приближенных. Так, в оде «Бесчестным правителям» говорится: «Держишь советы, и сам ты на страже: / Слабнешь, а смута расширилась даже! / Правду скажу вам про ваши печали – / Если б к себе мудрецов приближали, / Кто же горячее взял бы рукою, / Не остудив его прежде водою?» [2, с. 258]. В этой и других песнях звучит грозное предупреждение о том, что в стране «Смута, предела не зная, растет, / И умножается с каждой луною, / Благостей мира лишая народ. / Сердце как будто пьяно от печали... / Кто у нас держит кормило страны? / Править страной вы давно перестали, – / Скорбь и страдания народа страшны!» [2, с. 159]. Все невзгоды и бедствия людей, отмечается в песнях, происходят от пренебрежения правителем и его советниками законов природы. Идеальным правителем, по мнению авторов песен, является образованный царь, который окружает себя мудрыми и учеными советниками, который бы заботился об общем добре, о социальной гармонии. В оде «О неправых советниках» рекомендуется в управлении государством опираться на умных чиновников: «Охотнее следуют, чаще – советам дурным. / Услышу я эти дурные советы царю – / И вот уж великой печалью и скорбью томим!... / Но мудрые люди нашлись бы, пожалуй, и здесь; / В народе у нас, хоть немного осталось его, / Разумные люди, советоподатели есть, / Достойные видом, способные править умы!» [2, с. 169–170].

«Книга песен и гимнов» проливает свет на многие исторические события, важные факты. Некоторые произведения раздела «Великие оды» повествуют о кровопролитных сражениях чжоусцев с шан-инцами. Так, далекие эти события отражаются в одах «О переселении племени чжоу», «О царях Вэнь-Ване и У-Ване и о покорении царства Инь-Шан»: «Ярость властителя неукротима была – / Слава его преуменьшится тем не могла... / Варваров этих – гунь-и – разбежалася рать, / Быстро бежала, пыхтя и не смея дышать!» [2, с. 223–224].

Стихотворения также являются богатым источником по истории борьбы китайского народа с внешними врагами. В древности было сложено множество песен, прославлявших воинов, отважно сражавшихся за свое отечество. В песнях о ратной службе и военных походах «Тоска о муже, посланном в поход» [2, с. 64], «О походе князя Чжоу на Восток», [2, с. 123], «Боевая колесница» [2, с. 103], «Возвращение из похода» [2, с. 121], «В ожидании мужа, ушедшего в поход» [2, с. 136] воскрешается военная история свободолюбивого китайского народа. В III в. до н.э. угрозой для китайцев были северные варвары (сюнны), которых китайские историки отождествляли с гуннами, обитавшими у северо-западных границ Китая. Именно для защиты от них в этот период императором Цинь Ши Хуан-ди была начата постройка Великой китайской стены. Об этой странице китайской истории повествуется в песнях «В походе на гуннов» (с. 133), «О походе воеводы Нань Чжуна против гуннов» [2, с. 135], «О походе воеводы Ван шу на южных варваров» [2, с. 145]. Хвалебными эпитетами, сравнениями и олицетворениями, например, насыщены строки оды «О походе воеводы Нань Чжуна против гуннов»: «Сын неба отдал повеление мне, / Чтоб дальний Шофан был стеной укреплен!» / Был грозен Нань Чжун, и ужасен был он, / И изгнаны гунны, и враг поражен» [2, с. 135].

Таким образом, вошедшие в этот раздел произведения исторического плана можно, на наш взгляд, рассматривать как образцы древней китайской эпической поэзии. Песням раздела «Великие оды» присущи лаконизм, богатство экспрессии, стилистическое совершенство. Они исполнены аллегорий, символикой и олицетворениями. «Традиционные символы стихов, поэтика условностей и иносказаний, – считает Н.Федоренко, – привносит скрытый смысл, создает свой подтекст с переносными значениями, скрытыми сравнениями, таит в себе связь с явлениями историческими, социальными и бытовыми» [1, с. 17]. «Книга песен и гимнов» раскрывает

древнюю эпоху истории китайского народа, даже полнее и глубже, чем многие другие работы о китайской античности, и приближает ее к нам в неповторимой поэтической самобытности. По мнению Штукина, «...влияние «Книги песен» не кончается древним и средневековым Китаем ни территориально, ни во времени. В средние века китайская культура и развившаяся традиции «Книги песен» поэзия хлынула широким потоком в Японию, Корею, Индокитай» [3, с. 314].

«Шицзин», на наш взгляд, отличается от других известных эпических сказаний, созданных древним китайским народом. В этом сборнике тесно сплетены особенности не только различных веков, но и несколько общественно-исторических формаций. Все это преломилось в песнях и гимнах, где с древнейшими остатками первобытнообщинного строя содержатся резкие обличения эксплуатации человека человеком в классовом обществе, что делает «Книгу песен и гимнов» ценнейшим и оригинальнейшим историческим документом.

1. Федоренко, Н. Древнейший памятник поэтической культуры Китая / Н. Федоренко // Шицзин : книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина ; подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко ; коммент. А. Штукина. – М. : Худож. лит., 1987. – С. 3–22.

2. Шицзин : книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина ; подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко ; коммент. А. Штукина. – М. : Худож. лит., 1987. – 351 с.

3. Штукин, А. Комментарии / А. Штукин // Шицзин : книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина ; подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко ; коммент. А. Штукина. – М. : Худож. лит., 1987. – С. 310–341.

4. Юань, Кэ. Мифы Древнего Китая / пер. с кит. Е. И. Лубо-Лесниченко, Е. В. Пузицкого / Кэ Юань. – М. : РИСО АН СССР, 1987. – 496 с.

Кулиева Н.М., Гасанов Э.Л.

АНТИЧНЫЕ ГОНЧАРНЫЕ ТРАДИЦИИ ГЯНДЖИ КАК ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Город Гянджа – родина великого поэта, мыслителя Низами Гянджеви является одним из древних городов не только Азербайджана, но и всей Европы. С древних времен этот город особенно отличался высоким развитием торговли и народного ремесла. Еще с эпохи неолита, а также энеолита на территории древней Гянджи изготавливались ранние керамические изделия. Этот факт доказывают обнаруженные многочисленные образцы гончарного ремесла с территории Гянджи и ее окрестностей. Античный период – IV–I века до нашей эры считаются периодом расцвета художественной керамики древней Гянджи. В Эллинистической эпохе наблюдалось высокое усовершенствование в конструктивно-пластических формах, а также декоративно-орнаментальных особенностях художественной керамики древнего государства наших предков-Кавказской Албании. Город Гянджа являлся одним из основных культурно-экономических центров этого государства.

На основе многочисленных фактов доказывается значение керамических изделий Гянджи в изучении этнокультурных ремесленных традиций Европы:

1. В этой эпохе прослеживается традиционное продолжение керамических форм предыдущих исторических периодов. А также продолжают действовать и древнейшие культовые обряды эпох бронзы и раннего железа, часто влиявшие на создание таких традиционных керамических форм как зооморфные, сообщающиеся и другие сосуды. Кроме того, в этом историческом периоде одновременно встречаются и сосуды, созданные на базе потребностей хозяйственно-бытовой жизни страны. Примером могут служить вазы, фляги и другие сосуды с развитыми керамическими формами. Схожие керамические изделия встречаются на территории Восточной Европы и на Балканах [1, с. 125–127].

2. В историко-этнографической, научной характеристике художественной керамики древней Гянджи данного периода большое значение имеет развитие конструктивных форм и пластических особенностей гончарных изделий. Основными конструктивно-пластическими формами художественной керамики античного периода Кавказской Албании являются: а) Керамические фляги; б) Художественные вазы; в) Фигурная керамика. На территории старой Гянджи, а также в некоторых историко-археологических памятниках долины реки Гянджачай было обнаружено довольно много образцов данных основных групп керамических изделий [3–5]. Керамические фляги как одна из основных конструктивно-пластических форм художественной керамики древней Гянджи данного исторического периода, не случайно возродились в гончарном ремес-